

ейковой, сопоставившей бытийность и локативность, бытийность и качественность и проанализировавшей различные разновидности бытийных высказываний [6, с. 52–80]. Система бытийных предложений французского языка на фоне поля бытийности детально рассмотрена Е.А. Реферовской [6, с. 80–99].

Посессивность как семантическая категория “представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая отношение части и целого” [6, с. 99]. В рамках соответствующего ФСП выделяются два центра, формируемых предикативными (*У меня есть/я имею время*) и атрибутивными (*мое время*) конструкциями. Посессивные ситуации как проекции ФСП посессивности проанализированы в разделе, написанном К.Г. Чинчлей [6, с. 100–118]. Особенности вопросительных конструкций, принадлежащих полю посессивности (*Чей ты сын?; Чей это портной?* и др.), обсуждаются Е.В. Рахилиной [6, с. 118–127]. В разделе, написанном И.Б. Долининой, рассматриваются содержательные типы и грамматические особенности конструкций с так называемыми “посессивными актантами” (*Он открыл глаза = свои глаза*) [6, с. 127–137].

Последняя глава тома (и всего издания) посвящена лаконичному и вместе с тем весьма информативному изложению основных сведений относительно группировки полей, образуемых средствами выражения отношений обусловленности. В.Б. Евтюхин дает общую характеристику ФСП обусловленности (причины, условия, цели, следствия, уступки) как группируемых вокруг значений, обладающих признаками предикативности, биситуативности и несимметричности, показывает возможности пересечения полей обусловленности с полями иных типов, предлагает опыт описания категориальных ситуаций обусловленности [6, с. 138–174]. Завершает главу раздел “Условные конструкции (опыт исчисления)”, написанный В.С. Храковским и представляющий все потенциально возможные и реально представленные в языке типы условных конструкций, исчисленные с учетом трех предлагаемых автором раздела классификационных параметров [6, с. 175–213].

Работу с изданием облегчают подробное оглавление каждого тома, именной и предметный указатели; нелишней оказалась бы, между прочим, и публикация в заключительном томе обобщенного предметного индекса к всему шеститомному изданию, что позволило бы соотнести обсуждение той или иной проблематики (например, аспектуальной или темпоральной) в связи со всеми “эпизодами” обращения к ней, описанием конкретных полей и категорий. Большой интерес

представляют библиографические данные, приводимые в конце каждого тома.

Таким образом, перед нами – развернутое изложение одной из версий ФГ. И тут естественно возникает вопрос: чем именно по существу (а не по терминологическому аппарату) отличается этот тип грамматик от более традиционных грамматических описаний и, напротив, от широко представленных за рубежом грамматик генеративного типа? Отвечая на него, сам А.В. Бондарко в период уточнения общей концепции рецензируемого издания писал, что задуманная им ФГ – это скорее грамматика говорящего, грамматика активная, а также подчеркивал: “На данную область грамматических исследований распространяется общая проблематика поведения (функционирования) системы...” [14, с. 6–7]. В других местах цитируемой программной монографии А.В. Бондарко неоднократно отмечалась ориентация данного типа грамматики на описание функционирования языковых единиц, выявление закономерностей этого функционирования [13, с. 9, 11 и мн. др.]. Полагаем, однако, что именно этот аспект грамматических явлений мог бы найти в отдельных томах серии более полное отражение, поскольку если особенности функций изучаемых категорий и средства их реализации действительно получили в рецензируемом издании подробное описание, то сказанное никак не может быть отнесено к описанию условий использования разноуровневых средств, формирующих ФСП, при порождении конкретных высказываний с заданным значением, к анализу проблем предпочтительного выбора тех или иных средств из ряда возможных в реальных актах речи.

Отдельные замечания и наблюдения по этому поводу в разных разделах издания, конечно, имеют место, но сама тема использования синонимических языковых средств здесь (как и в грамматиках “описательного” типа) оказалась в известном смысле как бы отодвинутой на задний план. Именно этим объясняется, по всей видимости, отсутствие (за редкими исключениями) упоминаний о прагматике как обязательном компоненте ФГ, о прагматически обусловленных правилах реализации средств одного ФСП.

Подводя итоги сказанному, нужно со всей определенностью подчеркнуть, что выход в свет рецензируемого издания – это успех большого коллектива авторов, детальнейшим образом проанализировавших строение в общей сложности шестнадцати важнейших с точки зрения функционирования языка семантических категорий и внутреннее устройство соответствующего количества полей и группировок полей. В том, что запланированное исследование завершено, причем в наше не самое благоприятное для фундамен-